

РОЖДЕСТВО ВЪ ШВЕЦИИ.

Со шведскаго.

I.

ЕСЕЛО были встрѣчены Стремъ и Сванте своими товарищами, когда они прѣхали съ первыми осенними днями въ школу; но еще живѣе была радость въ ихъ семьѣ, когда звуки приближавшихся бубенчиковъ возвѣстили объ ихъ возвращеніи. Наступали рождественскіе праздники, — школьные дневники мальчиковъ

были въ образцовомъ порядкѣ, и все обстояло благополучно.

Было чему радоваться! И счастливое, румяное лицо Сванте весело выглядывало изъ-за высоко поднятаго мѣхового воротника и низко нахлобученной шапки. Несомнѣнно, счастливъ былъ и Стремъ, хотя онъ и не ворвался въ переднюю съ такою шумною радостью, какъ его товарищъ. Впрочемъ, значительная доля степенности Стрема, выказываемой имъ постоянно въ школѣ, невольно исчезла при охватившемъ его радостномъ сознаніи себя дома и пахнувшемъ на него столь знакомомъ запахъ рождественскойстряпни, который будилъ въ немъ пріятное представленіе о булочкахъ, колбасѣ и свѣжемъ, домашнемъ пивѣ.

Тѣмъ не менѣе, лишь только онъ освободилъ руки отъ вязанныхъ зеленыхъ перчатокъ, которыми его снабдила бабушка въ дорогу, онъ тщательно пригладилъ свой чубъ и сдѣлалъ было попытку расшаркаться по всѣмъ правиламъ; но это ему не удалось, такъ какъ капитанъ Стольшельдъ заключилъ его отечески въ объятія и весело потрепалъ его по спинѣ, между тѣмъ, какъ собаченка, Кулле, выражала ему свое привѣтствіе веселыми прыжками и лаемъ, что при ея полной комплекціи и важности было высшею любезностью.

Оставался еще цѣлый день до сочельника, и это было весьма кстати, такъ какъ многого еще не было сдѣлано, а въ деревенскомъ быту приготовленія къ рождеству не ограничивались только лишь кухней и пекарней, и много еще предстояло хлопотъ, въ которыхъ и мальчики должны были принять дѣятельное участіе.

Надо было привезти елку изъ лѣса и завернуть въ бумагу подарки, да еще не только тѣ, которые Сванте самъ приобрѣлъ и которыми онъ очень гордился, но и много другихъ, предназначенныхъ прислугѣ и крестьянамъ.

За то и не мало бумаги, веревокъ и сургуча потребовалось на это дѣло. Вѣдь извѣстно, что въ Швеціи существуетъ обычай тщательно заворачивать рождественскіе подарки въ бумагу. На пакетахъ надписывается имя того, кому предназначается подарокъ, и часто еще какое-нибудь шутовское примѣчаніе въ стихахъ.

Предстояло еще поставить рождественскій кормъ для птичекъ, развезти съѣстные припасы старымъ и больнымъ, которые не могли явиться сами за подарками и т. д.

Между бѣдными сосѣдами капитана Стольшельда, былъ отставной солдатъ, дряхлый и сгорбленный старичокъ, по имени

Раскъ. У него въ лѣсу была своя избушка, въ которой онъ и доживалъ свои дни, среди воспоминаній и размышленій, болѣе счастливый, можетъ быть, своею судьбою, чѣмъ многіе изъ зажиточныхъ господъ, окруженныхъ дѣтьми и внуками и обремененныхъ заботами. Его довольство судьбою и другія качества пріобрѣли ему расположеніе капитана Стольшельда, вслѣдствіе чего Раскъ каждое Рождество получалъ, въ видѣ подарка, часть лепты, щедро раздаваемой капитаномъ живущимъ въ окрестностяхъ бѣднымъ.

Обыкновенно капитанъ самъ навѣщалъ старика, чтобы вмѣстѣ съ пожеланіями на праздники, оставить ему свое рождественское приношеніе; но на этотъ разъ капитана должны были замѣнить Сванте и Стремъ.

Быль чудный, санный путь; снѣгъ скрипѣлъ подъ полозьями; зимнее солнце заливало свѣтомъ бѣлую равнину, за которой поднимался темный лѣсъ. Старый Гролле, несмотря на свой почтенный возрастъ, легко и бойко помчалъ санки съ мальчиками, корзинами и пакетами, весело побрякивая бубенчиками.

— Какъ здѣсь хорошо, какъ весело! — воскликнулъ Сванте, щелкнувъ кнутомъ. Онъ былъ кучеромъ и гордился сознаниемъ своего превосходства передъ близорукимъ и неловкимъ Стремомъ.

— Да, — отвѣчалъ Стремъ односложно, засовывая руки въ карманы пальто.

— Что съ тобою? ужъ не дуешься ли ты? — съ удивленіемъ обернулся Сванте къ товарищу, глядѣвшему въ даль.

— Н... нѣтъ! — замялся Стремъ, который при такомъ щекотливомъ вопросѣ, почувствовалъ большую, чѣмъ когда-либо надобность сохранить все свое достоинство. — Я только думалъ, что если я могу быть твоимъ учителемъ, то...

— Ну, нѣтъ, теперь ты уже больше для меня не учитель, какимъ ты былъ лѣтомъ! Папа сказалъ, что во время праздниковъ я совѣмъ не буду учиться, и теперь мы съ тобой только товарищи.

— Конечно, но...—началь Стремъ уже нѣсколько скромнѣе и при этомъ дважды кашлянулъ, какъ бы для того, чтобы прочистить голосъ,—вѣдь я же и старшій и болѣе благоразумный изъ насъ двоихъ и потому мнѣ кажется, что было бы справедливѣе, чтобы вожжи были предоставлены мнѣ.

На это Сванте только свиснулъ протяжно.

— Вотъ оно что! теперь я понимаю!—И онъ разразился далеко не почтительнымъ смѣхомъ, но за то такъ весело, что Стремъ нашелъ болѣе удобнымъ отложить свою важность и уже чисто по-товарищески, дать ему пинка въ бокъ.

— Ну, дай же и мнѣ поправить!

— Нѣтъ теперь не дамъ. Вспомни, сколько я получилъ отъ мамы предостереженій ѣхать осторожно, чтобы не поломать елочныхъ свѣчей, предназначенныхъ старушкамъ, въ богадѣльнѣ, и старику Раску. Ты, можетъ быть, думаешь, что это легко исполнить?

Но въ эту самую минуту сани наѣхали на кучу снѣга у дороги и сильно накренились на бокъ. Стремъ проворно выдернулъ руки изъ кармановъ, приготовившись уже вылетѣть изъ саней; но опасность скоро миновала и сани опять пришли въ равновѣсіе.

— Ты испугался?—спросилъ Сванте,—вѣдь это я нарочно, чтобы показать тебѣ, какъ легко можно опрокинуться.

— Ну, да, я понимаю!—сказалъ Стремъ, удивляясь въ душѣ ловкости Сванте и невольно умѣряя свои требованія;—

но за то на обратномъ пути мнѣ, конечно, можно будетъ править?—спросилъ онъ скромно.

— Да, съ удовольствіемъ! Я не боюсь вывернуться, хоть бы и не разъ! Но вотъ мы уже у богадѣльни. Подержи-ка вожжи, пока я навѣщу старушекъ.

Сванте выпрыгнулъ изъ саней и, взявъ корзинку въ одну руку, а узелъ въ другую, весело крикнулъ.

— Эй, вы!

Почти тотчасъ же въ низенькихъ окошкахъ, съ зелеными рамами, появились два морщинистыхъ старушечьихъ лица, а влѣдъ затѣмъ широко распахнулась и дверь.

— Гостя то, гостя намъ Богъ какого послалъ!—радовались старушки.

— Вѣстимо, неожиданнаго!...

— Такъ я и повѣрю, что вы его не ожидали!—шутить Сванте.—Я думаю, какъ еще поджидали меня и не мало бы удивились, если бы я не явился... Желаю вамъ счастливыхъ праздниковъ и надѣюсь то же услышать отъ васъ и для себя.

— Еще бы! А то какъ же?

— Господи, благослови его!

— И милостиваго капитана!..

— И его супругу!..

Между тѣмъ Сванте развязалъ уже узелъ и открылъ корзинку.

— Вотъ вамъ лакомства!—объявилъ онъ.—Тутъ есть разныя булочки, свѣчи, табачокъ, кофе и сахаръ... Впрочемъ, старушки, кажется, не пьютъ кофе?..

Эта послѣдняя шутка такъ понравилась старушкамъ, что отъ смѣха двѣ изъ нихъ даже присѣли на кровать.

— Благодарю васъ!..—предупредилъ Сванте изліянія

благодарности старухъ и весело побѣждалъ къ санямъ съ пустою корзинкою.

Но тутъ опомнившіяся старушки принялись благодарить.

— Спасибо, спасибо вамъ! Пошли вамъ Богъ счастья!..— слышались старушечьи голоса.

Сванте весело кивнулъ имъ головой, стегнулъ слегка Гролле, и сани понеслись.

— Вотъ въ комъ жизнь то кипитъ! — разсуждала старая Лотта, слѣдя съ восхищеніемъ за исчезающими вдали санями.

— Да, признаюсь, отрадно взглянуть старыми глазами на такое молодое и ласковое лицо, — сказала старуха Бритта, утирая свои покраснѣвшіе глаза кончикомъ передника.

— А вѣдь такая веселая болтовня и пользу приноситъ, — замѣтила Лотта, — отъ нея какъ-то и на душѣ становится легче! Конечно, оно правда, что смѣяться такъ грѣшно, — прибавила она, покосившись на третью старушку, которая глубоко вздохнула, набожно качая головой, — но вѣдь не часто это случается въ нашей богадѣльнѣ!

— Оно вѣрно! — согласилась Бритта, — и будь благословенъ тотъ, который ободряетъ стараго и бѣднаго!

А Сванте, не подозрѣвавшій, что его особа могла имѣть такое важное значеніе для богадѣльни, весело продолжалъ свой путь. Оставивъ за собою открытое мѣсто, мальчики вѣхали въ лѣсъ, среди котораго поднимались стройныя, свѣжія елки опущенныя недавно выпавшимъ снѣгомъ.

Они ѣхали до сихъ поръ по большой, широкой дорогѣ; но чтобы попасть въ хижинѣ старика Раска, надо было свернуть на лѣсную дорожку по которой лошади съ санями пройти было не легко, такъ какъ дорога была занесена, глубокимъ

снѣгомъ, и по ней извивалась лишь узенькая тропинка, протоптанная пѣшеходами.

Но Сванте задумался не надолго.

— Не доѣхать ли намъ, по большой дорогѣ, до ближайшей деревни, въ которой мы могли бы оставить Гролле? — предложилъ онъ, — а сами мы дошли бы къ старику и пѣшкомъ.

Стремъ согласился, что это благоразумно.

— Ты, какъ старшій, конечно, понесешь корзинку съ хлѣбомъ и другими съѣстными припасами, — продолжалъ Сванте, стараясь придать себѣ побольше серьезности, — а я заберу маленькіе пакеты.

— Спасибо тебѣ, — я отказываюсь отъ такой чести! — разсмѣялся Стремъ.

— Въ такомъ случаѣ намъ придется бросить жребій или подѣлиться трудомъ по-братски, — соображалъ Сванте.

До избушки старика Раска было не близко, а дорога была утомительная, по крайней мѣрѣ, такого мнѣнія былъ Сванте и онъ уговорился съ братомъ, чтобы каждый изъ нихъ несъ корзинку полъ-дороги, предоставивъ, впрочемъ, Стрему первую половину, которая, по его расчету, была вдвое продолжительнѣе второй.

Маленькая избушка казалась занесенною глубокимъ снѣгомъ, но, несмотря на ея уединенное положеніе и царившую вокругъ нея въ лѣсу мертвую тишину, она совсѣмъ не имѣла вида заброшенной. Изъ трубы клубами поднимался дымъ, а сквозь маленькое окошечко ярко свѣтилъ огонь въ печи. Возлѣ избушки былъ маленькій палисадникъ, вмѣщавшій въ себѣ, однако, пару вѣтвистыхъ вишенъ, верхушки которыхъ были обильно опушены инеемъ. Передъ дверью лежалъ коврикъ,

сплетенный изъ свѣжихъ еловыхъ вѣтокъ, а на свѣгу, передъ окномъ была разсыпана горсть хлѣбныхъ крошекъ, — какъ рождественское угощеніе для воробушекъ и красногрудыхъ снигирей. Старикъ и не мечталъ о другихъ какихъ-либо гостяхъ, кромѣ этихъ птичекъ, до тѣхъ поръ, пока мальчики не вошли въ его темныя сѣни.

— Здравствуй, мой милый Раскъ! — произнесъ Сванте, стараясь подражать голосу взрослого мужчины.

Старикъ Раскъ, сидѣвшій въ это время на скамеечкѣ передъ огнемъ и щипавшій лучину, торопливо поднялся на ноги и выпрямивъ, насколько могъ, свою старую, согнутую спину, сталъ по-военному.

— Да благословить Богъ милостиваго капитана! — произнесъ онъ, отдавая честь.

Тогда мнимый капитанъ выступилъ со смѣхомъ впередъ, разоблачая свою маленькую фигуру.

— Это я! — объявилъ онъ.

— То-то! а я, вишь, и не подумалъ, чтобы голосъ былъ не капитана, котораго я такъ привыкъ видѣть у себя на праздникахъ, — оправдывался старикъ разочарованно. — Хотя, конечно, — прибавилъ онъ смягчаясь, — я вижу, что я и теперь не лишонъ милостивой памяти капитана обо мнѣ.

— Да, ты не ошибся. Папа тебѣ очень кланяется и мама тоже, и они просили передать тебѣ свои пожеланія къ праздникамъ. А вотъ тутъ для тебя кое-какіе съѣстные принасы и табакъ отъ папы; а мама тебѣ посылаетъ меду, грудного чаю противъ кашля и книжку. А вотъ тебѣ и отъ меня самого — новая трубка! Не правда ли, что она очень красивая?

— И какъ красива то! Неужели ты купилъ ее для меня?

— Да, для тебя, и на мои собственные деньги, которыя

я получилъ отъ папы для подарковъ. Она вѣдь фарфоровая, настоящаго фарфора!—говорилъ съ гордостью довольный Сванте.

— Спасибо тебѣ, добрый мальчикъ, спасибо! Такой красивой трубки давно у меня не было. Да... давненько!—сталъ онъ вспоминать и глубоко вздохнулъ.

Поболтавъ съ словоохотливымъ, добрымъ старикомъ, который, по поводу трубки, успѣлъ имъ рассказать цѣлый эпизодъ изъ своей долгой жизни, мальчики простились съ нимъ и пустились въ обратный путь.

За то время, которое они провели у старика Раска, въ погодѣ произошла перемѣна. Яркое сверкавшее солнце исчезло, и небо покрылось свинцовыми тучами; налетѣвшій сѣверный вѣтеръ мель и крутилъ снѣгъ.

Когда мальчики уѣхали въ сани, Сванте старательно натянулъ свою мѣховую шапку на уши и всунулъ руки въ рукава, какъ въ муфту. Теперь, въ непогоду, онъ съ удовольствіемъ отказался править.

— И славная же мятелица настигла насъ на обратномъ пути!.. Вотъ, когда пріятно править!—смѣялся онъ.

— Пустыки!—отозвался Стремъ съ неподражаемымъ достоинствомъ.

Онъ держалъ теперь кнутъ и вожжи, чѣмъ очень гордился, приписывая себѣ въ заслугу старательность Гролле, который такъ послушно бѣжалъ по дорогѣ ровною рысцею.

Пока они ѣхали лѣсомъ, подъ защитою сосенъ и елокъ, съ верхушекъ которыхъ вѣтеръ сносилъ снѣгъ, мятель не была такъ чувствительна.

За то на открытомъ мѣстѣ, гдѣ вьюга гуляла на просторѣ, сметая снѣгъ въ большіе сугробы, почувствовался рѣзкій хо-

лодь. Морозъ щипаль кончики пальцевъ Стрема, но онъ старался сохранить бодрость духа. Онъ правилъ прямо передъ собою, переноса холодъ, какъ ему казалось, съ спокойствіемъ и самообладаніемъ.

Но Сванте трудно было обмануть.

— Мнѣ кажется, ты зябнешь? — спросилъ онъ.

— Да, немного пальцамъ холодно, — отвѣчалъ Стремъ. — Если хочешь, я охотно передамъ тебѣ на время вожжи!

— Нѣтъ, спасибо, я не хочу лишать тебя удовольствія, которымъ ты такъ дорожишь, — сказала Сванте.

Такой отвѣтъ Сванте не согрѣлъ пальцевъ Стрема, однако распространилъ, должно быть, въ немъ тепло, такъ какъ яркая краска разлилась по его щекамъ. Сохраняя собственное достоинство и не поворачивая головы, онъ только слегка покосился на Сванте, весело фыркнувшаго въ воротникъ.

Вѣтеръ все усиливался, снѣгъ падалъ гуще, а сугробы все росли. И болѣе опытному кучеру было бы не легко править при такихъ условіяхъ, а потому неудивительно, что сани принимали самыя неудобныя положенія, поминутно угрожая опрокинуться.

Послѣ одного изъ такихъ случаевъ Стремъ спросилъ самоудовольно.

— Ты, можетъ быть, думалъ, что мы опрокинемся?

— Еще бы не думать!

— Ну, нѣтъ, мы позаботимся, чтобы съ нами этого не случилось, — смѣялся Стремъ, подгоняя Гролле.

— Да, теперь было бы непріятно опрокинуться, — замѣтилъ Сванте, — такъ какъ здѣсь, по сторонамъ дороги глубокія канавы.

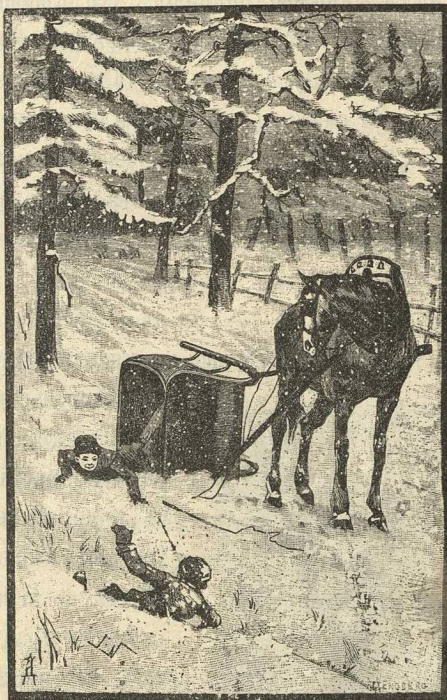
— Неужели? — встревожился Стремъ.

Дѣло въ томъ, что при налетѣвшемъ въ это время снѣжномъ вихрѣ, Стремъ уже не различалъ дороги, и его глазамъ представлялась впереди одна лишь бѣлая равнина. До этой минуты онъ предоставлялъ Гролле самому находить дорогу, но тутъ счелъ своею обязанностью принять мѣры предосторожности и потянулъ за лѣвую вожжу, такъ какъ передъ тѣмъ опасность опрокинуться грозила съ правой стороны.

Тотчасъ же вслѣдъ за этимъ умнымъ распоряженіемъ послѣдовала совсѣмъ неожиданннй результатъ. Насильственно направленный Гролле подошелъ слишкомъ близко къ канавѣ, и сани опрокинулись. Стремъ, совсѣмъ не приготовленный къ такому случаю, полетѣлъ головою внизъ въ канаву и глубоко провалился въ снѣгъ. Сванте остался подъ санями, а такъ какъ Гролле стоялъ смирно, а Сванте лежалъ на мягкомъ снѣгу, то его неожиданное положеніе несколько не мѣшало ему отъ души смѣяться.

Вскорѣ ему удалось на столько приподняться, чтобы поискать глазами Стрема.

— Гдѣ ты, Стремь?—позвалъ онъ.

Невнятный откликъ послышался ему въ отвѣтъ. Какое-то фырканье и пыхтѣнье доносилось изъ канавы.

Сванте, не успѣвшій еще вполне освободиться изъ-подъ саней, лежа на животѣ, поглядѣлъ въ канаву и расхохотался. Тамъ онъ увидѣлъ бѣлую движущуюся массу, изъ которой къ нему протягивалась пара зеленыхъ перчатокъ.

Но вотъ Стрему удалось вытащить голову изъ снѣга, и надъ канавою появилось его красное смѣющееся лицо. Ему было тоже смѣшно, а главное, ему хотѣлось поскорѣй вылѣзть изъ канавы, что ему и удалось при содѣйствіи товарища.

Со смѣхомъ обтряхивались они отъ снѣга и также смѣясь, подняли сани. Происшествіе казалось имъ презабавнымъ.

Одинъ Гролле оглядывался серьезно. Казалось, онъ хотѣлъ сказать: „И что тутъ веселато?!“ ...

II.

Все было готово къ праздникамъ, вездѣ было чисто, все блестѣло и сіяло.

Сванте, по старинному шведскому обычаю, поставилъ среди двора шесть съ привязаннымъ къ нему „Рождественским снопомъ“ невымоленной ржи. Пусть и птицы примутъ участіе въ „общемъ праздникѣ Рождества Христова“. И множество разныхъ птичекъ слеталось къ снопу, съ громкимъ чирканьемъ оспаривая кормъ другъ у друга; иногда, птички чѣмъ-нибудь испуганныя,

разлетались, но тотчасъ же поспѣшно возвращались къ снопу.

Вѣтеръ стихъ. Отъ вчерашней мятели не оставалось и слѣда. Столбомъ поднимался дымъ изъ трубъ, исчезая въ прозрачной синевѣ зимняго неба, на которомъ величественно плыли ослѣпительно-бѣлыя облака. Была настоящая рождественская погода, и праздничное настроеніе, казалось, одинаково царило и среди людей, и въ природѣ.

Но Сванте не было времени для такихъ наблюденій. Онъ былъ слишкомъ занятъ. Полный любопытства и готовый вездѣ пошалить и напроказничать, онъ едва успѣвалъ съ мѣста на мѣсто, чтобы все знать и все видѣть. Онъ не щадилъ въ своихъ шалостяхъ и чужого легковѣрія: такъ онъ увѣрилъ Стрема, что онъ показалъ его стишки на елочныхъ пакетахъ матери, и что она пашла ихъ весьма удачными и готова была думать, что Стремъ заимствовалъ ихъ отъ какого-нибудь знаменитаго поэта. А молодой литераторъ старался принять скромный видъ. Не мало смѣялся онъ, впрочемъ, и своей собственной ошибкѣ. — Ему вдругъ показалось, что въ спальнѣ, на диванѣ, подъ шалью былъ спрятанъ для него подарокъ. Но каково было его удивленіе, когда его рука встрѣтила пріятно почивавшую послѣобѣденнымъ сномъ Кулле, которая совсѣмъ не дружелюбно огрызнулась на искателя подарковъ.

Сочельникъ назывался въ домѣ капитана Стольшельда, по старому обычаю, „днемъ моканья“, и праздновался по всѣмъ правиламъ, оставшимся въ воспоминаніяхъ капитана о своемъ дѣтствѣ.

Въ сочельникъ обязательно производилось моканье въ котель, т. е. ломти хлѣба мокали въ котель съ кипящимъ жиромъ и отваромъ ветчины и мяса, заготовленнымъ на всѣ рождественскіе праздники. Обѣдъ накрывался въ кухнѣ, которая по случаю праздника такъ чисто и нарядно убира-

лась, что невольно манила къ себѣ своею блестящею, мѣдною посудю на полкахъ, оклеенныхъ бумажными украшеніями.

На плитѣ уже кипѣлъ котель, главная принадлежность рождественскаго обѣда, но не мало искушенія и соблазна возбуждалъ и нарядно накрытый среди кухни столъ, уставленный самыми разнообразными кушаньями: тутъ была и колбаса, и ребрушки, и студень, и масляные пирожки и много другихъ вкусныхъ вещей. Среди всего этого красовался массивный и старинный серебряный кувшинъ съ свѣжимъ пивомъ.

Да, ѣды тутъ было довольно, но за то не было недостатка и въ аппетитѣ.

Передъ обѣдомъ капитанъ съ мальчиками предприняли далекую прогулку, во время которой Сванте увѣрялъ, что онъ голоденъ, какъ волкъ; такія слова встрѣтили сочувствіе и въ остальныхъ, и они тоже находили, что не дурно будетъ поѣсть.

Къ обѣду пріѣхала тетя Варвара, старая барышня, и далекая родственница капитана. Она была всегда дорогою гостею въ обширномъ кругу родственниковъ и друзей; ея всегда веселое настроеніе духа и добродушіе были высоко цѣнимы, а ея совѣты всегда принимались безъ обсужденія.

— Тетя, ты уже пріѣхала?—радостно вскричалъ Сванте, вернувшійся съ прогулки.

Согрѣвшись уже отъ недалекой ѣзды, тетя Варвара сидѣла удобно на диванѣ въ гостиной и гладила лоснящуюся шерсть Кулле.

— Да, шалунъ, какъ видишь, пріѣхала; а ты отчего не поджидалъ меня, чтобы встрѣтить?—пошутила она и взяла Сванте за уши, какъ бы намѣреваясь наказать его и поцѣ-

ловала его въ лобъ. — Желаю тебѣ, сорванецъ, веселой елки! — прибавила она.

— Здравствуйте, тети Варвара! — раздалось въ это время въ дверяхъ, и въ гостинную вошелъ капитанъ Стольшельдъ.

— А, вотъ и самъ папа нашъ! Здравствуй, дорогой мой Фабіанъ.

Поились привѣтствія и пожеланія, послѣ которыхъ капитанъ предложилъ руку тетѣ Варварѣ, и они направились въ кухню, гдѣ хозяйка ихъ встрѣтила привѣтливымъ „милости просимъ, господа!“.

Въ кухнѣ оказались еще гости, съ которыми приходилось раскланяться. Это былъ староста съ женою и дѣтьми, которые были приглашены принять участіе въ праздничной трапезѣ.

Дѣти старосты, Фрида и маленькій Карль-Гоханъ, были одѣты въ новыя, домотканныя платья и опрятно вымыты и причесаны; видно было, что жена старосты не жалѣла ни мыла, ни трудовъ.

Когда всѣ обмѣнялись поклонами, капитанъ Стольшельдъ ударилъ въ ладоши, призывая всѣхъ къ предъобѣденной молитвѣ, послѣ которой началось угощеніе.

Не станемъ распространяться о подробностяхъ обѣда въ кухнѣ, за которымъ Сванте былъ самымъ ревностнымъ „мокателемъ“, несмотря на предостереженія тети Варвары, которая напоминала ему, что онъ созданъ какъ человѣкъ, а не какъ страусъ, и что только съ желудкомъ страуса можно было переварить такое количество пищи, какимъ онъ успѣвалъ наполнять себя.

На Стрема эти слова произвели впечатлѣніе, тѣмъ болѣе что онъ, при своей первой попыткѣ мочать, обжегъ себѣ пальцы.

Когда же онъ затѣмъ серьезно обратился къ тетѣ Варварѣ съ вопросомъ о томъ, что легче переваривается—ребрушки или студень, добрая старушка пришла въ восторгъ отъ благодарумія и любезности мальчика и общала ему по секрету, въ случаѣ, если ему не поздоровится, дать ему своихъ хорошихъ капель.

Стремъ поклонился и поблагодарилъ, но уши у него слегка покраснѣли, такъ какъ въ добродушныхъ словахъ тети Варвары онъ видѣлъ недовѣріе къ его воздержности.

Обильный обѣдъ отозвался на оживленіи Сванте, и онъ предложилъ Стрему подняться въ ихъ комнату и лечь отдохнуть, въ виду того, что на слѣдующій день имъ предстояло рано встать, чтобы поспѣть къ утренней обѣднѣ.

Стремъ снисходительно улыбнулся такому „ребячливому“ предложенію, однако послѣдовалъ за товарищемъ, и не прошло и пяти минутъ, какъ въ комнатѣ уже раздавался громкій храпъ.

Отдыхъ мальчиковъ оказался гораздо продолжительнѣе, чѣмъ они рассчитывали. Было уже совсѣмъ темно, когда горничная Лотта разбудила ихъ.

— Пора вставать, господа!

— Что? развѣ лошади уже поданы?—спросилъ Сванте съ просонья, протирая глаза кулаками.

— Нѣтъ, но уже все горитъ!..

— Горитъ?—испуганно вскочилъ Стремъ, — гдѣ горитъ?

— Да на слѣѣ же, свѣчи горятъ!

Тутъ Сванте ужъ совсѣмъ проснулся и, освѣженный здоровымъ сномъ, вскочилъ съ постели.

— Вставай скорѣй, Стремъ!—и онъ со смѣхомъ зажегъ спичку.— Хотя и нигдѣ не горитъ, а все же надо торопиться.

Гдѣ щетка?... На, вотъ, пригладь свои волосы. Да какой же ты неповоротливый!.. Неправда ли, Лотта?

Но Лотты уже не было въ комнатѣ.

Наскоро причесавшись и оправивъ воротникъ и манжеты, Сванте бросился внизъ по лѣстницѣ, сопровождаемый не со-всѣмъ еще опомнившимся отъ сна Стремомъ.

Двери передъ ними широко раскрылись, и чудная ярко-освѣщенная елка засіяла во всей своей красотѣ.

Мать сидѣла за органомъ и играла прелестную прелюдію къ рождественскому псалму.

Сіяющіе глаза Сванте не уступали блеску свѣчей. Даже Стремъ былъ совсѣмъ по-дѣтски счастливъ. Онъ даже забылъ на время о своемъ достоинствѣ.

Радость и согласіе чувствовалось во всемъ обществѣ.

Присутствовала здѣсь и вся прислуга въ праздничныхъ платьяхъ, хоромъ подпѣвая древнему рождественскому псалму.

Сванте во все время молитвы держалъ себя сдержанно и пристойно. Нельзя, конечно, утверждать, что онъ былъ проникнутъ смысломъ словъ гимна, или что онъ былъ растроганъ радостною вѣстью, принесенною Виолеемскими пастухамъ небесными посланцами, но и безчувственнымъ не оставался въ эту минуту.

Когда звуки органа смолели, и книги съ псалмами были отложены, къ Сванте разомъ вернулась вся его веселость.

На его обязанности лежало раздавать прислугѣ подарки, на которые, въ этотъ разъ, онъ не только потратилъ всю бумагу и сургучъ, но на каждомъ изъ нихъ надписалъ стишки съ очень смѣлыми римами.

Нѣкоторые стишки принадлежали Стрему, но, къ сожа-лѣнію, надо признаться, что несмотря на то, что они были

написаны очень старательно, они не возбуждали того веселаго впечатлѣнія, какого ожидалъ юный поэтъ. Зато сочиненія Сванте вызывали общій смѣхъ. Особенно забавна была его надпись на пакетъ съ теплыми перчатками для ключницы, завѣдующей молочнымъ хозяйствомъ.

Когда раздача подарковъ прислугѣ была окончена, и они всѣ, довольные, удалились, наступила очередь Сванте и Стрема. Не будемъ распространяться о множествѣ и разнообразіи подарковъ; замѣтимъ только, что больше всего обрадовался Сванте конькамъ. Стремъ былъ въ особенности благодаренъ за отличный лексиконъ, но еще съ большимъ удовольствіемъ разсматривалъ онъ пару лайковыхъ перчатокъ, на теплой подкладкѣ, которыя избавляли его отъ необходимости явиться на слѣдующее утро къ обѣднѣ въ своихъ зеленыхъ, вязанныхъ.

Предстояло еще одно удовольствіе въ сочельникъ, которое Сванте очень боялся пропустить. Ему непременно хотѣлось присутствовать при томъ, когда люди въ кухнѣ будутъ „риемовать къ кашѣ“.

А этотъ старый обычай, какъ и другіе, строго соблюдался въ домѣ. Обычай этотъ заключается въ томъ, что каждый изъ присутствующихъ раньше, чѣмъ отвѣдаетъ каши, обязанъ сказать коротенькое стихотвореніе, не менѣе двухъ строкъ, въ которое обязательно должно входить слово „каша“.

Первая строка приблизительно, всегда такая: „Эта каша варена въ котлѣ, а не...“ и тутъ называется какой-нибудь предметъ, названіе котораго непременно должно прійти въ риму со слѣдующею строкою, смыслъ которой касался бы какой-нибудь личности или обстоятельства.

Сванте вошелъ въ кухню, въ которой люди, сидѣвшіе за накрытымъ столомъ, привѣтствовали его радостными восклицаніями.

— Вотъ намъ и помощь!—обрадовался одинъ изъ работниковъ, очередь котораго была рѣмовать. Озабоченный такимъ непривычнымъ дѣломъ, онъ въ раздумѣ держался за лобъ.

— Нѣтъ, спасибо, Августъ, говори самъ за себя.

Я этому не обученъ,—отвѣчалъ Августъ и обтеръ рукою губы, поглядывая на вкусную кашу.

— Нуже!—ободрялъ его Сванте,—эта каша варена въ котлѣ...—и онъ дружески хлопнулъ его по спинѣ.

— Да столько то и я знаю,—сказалъ Августъ, пыхтя; но вдругъ онъ всунулъ ложку въ кашу и произнесъ:

Эта каша варена въ котлѣ, а не въ чемъ другомъ!

Я подобралъ рѣму съ большимъ трудомъ!

— Превосходно!—со смѣхомъ вскричалъ Сванте и даже Стремъ произнесъ свое одобрительное „браво“.

Съ большимъ или меньшимъ трудомъ подыскивались рѣмы, и вскорѣ уже всѣ заслужили кашу, исключая одной кухарки, которая стояла молча у плиты и не хотѣла садиться за столъ.

— Ну, Майа-Стина, теперъ твоя очередь!—объявилъ Сванте и потянулъ ее за руку.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставьте меня!—просила она, смѣясь и упираясь. Ее силою заставили сѣсть къ столу.

Кухаркѣ слѣдовало бы лучше всѣхъ знать, въ чемъ варилась каша,—замѣтилъ Стремъ.

И какъ не знать этого ей, которой пришлось такъ долго стоять у плиты и мѣшать въ котлѣ?

Нѣсколько разъ вытирала она свое разгоряченное лицо передникомъ и наконецъ произнесла съ застѣнчивымъ смѣхомъ:

Эта каша варена въ котлѣ а не въ рогожѣ!

Сванте намъ всего дороже!

— Вѣрно, вѣрно! — подхватило нѣсколько голосовъ; и даже тѣ, которые ничего не говорили, одобрительно кивали головой.

Послѣ этихъ стихотворныхъ опытовъ началось полное веселье.

Л. Туганъ.

